

Мамочки
ONLINE

МАРИЯ ХАУСТОВА

МАМОЧКА
ИЗ 21-ГО
БОКСА

Издательство АСТ
Москва

УДК 82-3
ББК 84-4
Х26

Фотография для издания предоставлена
Кудряшовой Анастасией.

Хаустова, Мария.

Х26 Мамочка из 21-го бокса / М. Хаустова. — Москва :
Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Мамочки online).
ISBN 978-5-17-099381-9.

После рождения недоношенной бездыханной малышки от непутевого мужа жизнь Маруси Ждановой меняется далеко не в лучшую сторону. Не найдя поддержки у сестры и мамы, она едет в глухой лесной поселок к своей свекрови, но и там ее ждут одни неприятности и мистические совпадения... Как выйдет из сложившейся ситуации провинциальная девушка и кто станет ее помощником и проводником в жизнь, об этом и многом другом читайте прямо здесь!

УДК 82-3
ББК 84-4

ISBN 978-5-17-099381-9.

© Хаустова М.
© ООО «Издательство АСТ»

ОБ АВТОРЕ

Мария Александровна Хаустова (в девичестве Коробицына) родилась в городе Кириллове Вологодской области 25 декабря 1987 года. В 2007-м окончила библиотечное отделение Вологодского областного училища культуры, а в 2013-м — филологический факультет Вологодского государственного педагогического университета. Более семи лет работает корреспондентом общественно-политической газеты Кирилловского муниципального района Вологодской области «Новая жизнь», где кроме тем, связанных с криминалом, сферой ЖКХ, молодёжной политикой и мн. др., в течение трёх лет ведёт информационный правовой проект.

Мария является победителем многих информационных конкурсов, среди которых главными считает Конкурс имени В. А. Гиляровского (2008), Всероссийский конкурс «Вызов XXI век» (2009), а также «Живое слово» (2011).

В январе 2016 года у М. Хаустовой в свет выходит сборник рассказов под названием «Осколки детства». В этом же месяце для автора происходит и ещё одно радостное событие — Мария становится одним из победителей литературной премии, учреждённой политической партией Справедливая Россия «В поисках правды и справедливости». За ещё неизданную книгу «Мамочка из 21-го бокса, или Amore Dei» Марию награждают в номинации «Молодая проза России».

*Галина Щекина,
член Союза российских писателей.*

СЛОВО К МУЖЧИНАМ И ЖЕНЩИНАМ

Я не знаю, в чьих руках сейчас находится эта книга. Быть может, в жилистых и мужских, а быть может, в таких же жилистых, но женских. Так уж вышло, что большинство из нас в настоящее время должно работать на износ, чтобы заработать хоть какую-то копейку себе на жизнь. Знаю одно: если вы всё-таки добрались до чтения этой книги, значит, готовы узнать правду. Правду о том, как выживают женщины в российской глубинке.

Не хочу сейчас рассказывать, о чём эта книга, уж больно это вещь неблагодарная. Скажу об истории её создания. Она начала рождаться вместе с моим ребёнком, который захотел выйти на свет на восьмом месяце беременности; в том самом родильном зале, который находится в Кириллове, где я не услышала детского надрывного плача и не ощутила у груди свою малышку. Роды были стремительными, и, оказавшись в новой для себя атмосфере, девочка не могла дышать. Её сердце чётко отбивало такт, но она не дышала! Я помню, как тогда прибежало много-много врачей и все пытались что-то сделать. Самое страшное, когда

ты лежишь рядом на медицинском столе и понимаешь, что в этой ситуации ты ничего не можешь сделать и, в принципе, от тебя мало что зависит, а тут ещё и из-за плеча слышишь мужской встревоженный голос: «Чёрт! Розетка для дыхательного не подходит!»

В такие минуты можешь надеяться только на одно — на помощь высших сил! Я никогда не была слишком набожной или религиозной, изредка по воскресеньям и великим праздникам ходила в церковь, но твёрдо верила — Он есть! Быть может, вам покажется странным, но тогда, 19 декабря 2010 года, когда я лежала в родильном отделении под белой простыней и дрожала, как осиновый лист от пережитых чувств, в моей голове произошёл всплеск. Знаете, иногда случается такое — будто резкая вспышка промелькнула и — хоп! — ты уже знаешь, что будет дальше. В этот день в новостях показывали, что 19 декабря у Николая Чудотворца День памяти! Именно его я стала просить о чуде! С дрожью в голосе, с сухими губами, с мурашками на коже и со слезами на глазах. Так, как это умеют только матери. И, знаете, он меня услышал! Малышка закричала.

Вы спросите, автобиографичное ли это произведение? Я отвечу вам, нет. Естественно, оно основано на реальных событиях и задумывалось с тем, чтобы поблагодарить врачей, участвовавших в спасении моей Варвары и других детишек. Тем не менее, читая это произведение, помните: все события и герои вымышлены, любые совпадения с реальными личностями случайны!

*Только имея детей,
ты понимаешь, что есть
жизнь, которая
дороже собственной...*

Глава I. ПАТОЛОГИЯ

«Ничто не происходит без
причины, почему это должно
произойти, вместо того чтобы
не произойти...»

Артур Шопенгауэр

Эта зима выдалась на редкость холодной. Казалось, что произнесенное слово тут же замерзнет в напряженном воздухе и разобьется о землю, разлетевшись на тысячи мелких осколков.

Я стояла на остановке и ждала своего троллейбуса. Его все не было. Припрыгивая то на одной, то на другой ноге, не переставала думать: «А может, мне пешком пойти... Сколько ж можно ждать-то?..»

— Машка! Куда ж ты попрёшься на вокзал с таким животом? Восьмой месяц не шутка! — быстро оборвала меня моя любимая подруга Юлька.

— Да так-то я беременная, а не больная. Если что, мне еще месяц ходить. Так что это совсем ничего! В это время к нам подрулил 47-ой. «Господи! И откуда ж вас столько там взялось!» — переполненный транспорт остановился у нашего педа. В заиндеветых окнах троллейбуса угадывались чьи-то распластанные физиономии, спины, руки. В общем, я сразу решила для себя, что никуда не еду. Мороз обжигал мои щеки, пальцы на ногах свернулись, как когти у птиц, которые только что схватили свою добычу и несут ее в норку, но, несмотря на все это, я все-таки шла пешком. Куртка не грела, сапоги тоже, варежки. Да, кстати, а где мои варежки? В сумке? О-о-о. постоянно их теряю! Пока я искала свои рукогрейки, мне позвонил телефон. На дисплее высветилось короткое слово, состоящее из трех букв: «МУЖ».

— Алё, Машунь, ты только не пугайся, я в Вологде.

— Что ты здесь делаешь?

— Я на рынке, сейчас поеду в Москву за товаром, буду торговать одеждой.

— На какие шиши?

— Ой, Маш, это долго рассказывать, все потом.

Пока.

— Нет уж. Говори немедленно — откуда денег взял?

— Кредит...

— Ты с ума сошел?! Три года вместе живем, мог бы и посоветоваться! Какой кредит? Ты чем отдавать собираешься? В Москву он поехал!!! Господи! У меня слов нет! Я на сессию еле наскребла, всем миром собирали, а он — кредит. в Москву!

Но абонент меня уже не слушал. Трубка молчала. Муж тоже. Я шла по заснеженной улице, и по белому лицу катились черные, соленые горошины. Черт, тушь потекла. Настолько было обидно, что я плакала в глаза всем прохожим. Некоторые пытались заглядывать в лицо, создавая вид, будто им интересно, что со мной происходит. Я шла вперед. Маленькая, толстенькая, с сумкой на боку и с длинной, русой косой, торчащей из-под шапки, которая так и вихлялась из стороны в сторону.

«Господи! Почему со мной!» — кричала я про себя. Вышла замуж, вроде, по любви. Как говорит моя мама, «никто не толкал». А вот ведь! Работать — не хочет, дома делать чего-либо — тоже. Все-то ему в тягость! А сам два метра ростом, широкоплечий, красивый. Что тут скажешь — фактурный! Но это я так скажу, ну еще Юлька. А вот мама моя скажет по-другому: «Велика Федора, да дура! — и, помолчав, дополнит. — А ведь я же тебе говорила». И там разговор затянется часа на три. Мне припомнят о том, что все-таки меня предупреждали, что мужа надо искать образованного, бога-

того и вообще — прежде, чем рожать, надо университет закончить! Конечно-конечно! Только тут вот еще что нужно учесть — деньги идут к деньгам, и никогда парень из богатой семьи не будет строить свою жизнь с девушкой, пусть и из образованной, но бедной семьи — это раз, а два — время — то идет, образование я уже второе получаю, и детей тоже хочется. Но есть, конечно, тут и слово «три». Оно относится к моей све-крови, которая в своё время звонила мне каждый день и так неназойливо спрашивала: «Ну, как? Не беременна? А? Что? Не можешь что ли? Не получается, да?»

Я, конечно, ее переубеждала, что все я могу, только пока не до этого... Но вот когда муж начал говорить ее словами, что, мол у нас и семья — не семья, мне пришлось сдаться. Мою головушку также стали посещать мысли о материнстве, и в один весенний денек я все-таки взяла и забеременела!

Осознание того, что с этим я поторопилась, пришло намного позже.

* * *

Сильный холодный ветер хлестал мою спину и швырял в неё клубами снега. Пурга, разыгравшаяся под вечер, так и подгоняла меня вперёд. Огромные торговые центры, в которых копошатся люди; бесконечные остановки; парковки, уставленные машинами, где сидят влюбленные пары и милуются друг с другом; заледенелые скамейки, одинокие киоски и красные ягоды рябины на голом дереве — всё это вызывало во мне чувство тоски и одиночества. Мне хотелось рыдать. Холод пробрал меня до костей, и так и сковывал всё тело. Насупившись и, прижав к себе сумку, я бежала по улицам. Все лицо обветрилось и болело, губы потрескались. Я подняла голову и наконец-то увидела... автовокзал!

О, Боги! Какое счастье, что люди придумали автобусы! Тепло. хорошо. Жаль, что это так только с мороза кажется. Села я на тринадцатое место — ничего не поделаешь, билетик попался, как говорится, счастливый! Повезло, называется! «Но-очь подходит к концу-у, я-а ничего не скажу.» — запел мой мобильник. Я не стала смотреть, кто звонит, ответила сразу.

— Да!

— Ма-аш, не ругайся, я еду домой, — будто хотел меня обрадовать Вадим.

— Вадик! А как же твоя Москва? Торговля? — язвила я.

— Потом расскажу. Купи мне билет до дома. — упрашивал он.

— Какой билет? Я уже из города выехала, домой мчусь! — смотрела я в окно автобуса.

— Тогда я на такси поеду! — с вызовом ответил муж.

— Конечно! Езжай! У тебя денег куры не клюют! Вперед!

Я бросила трубку, а потом и вовсе — отключила телефон.

Воздух в салоне становился все тяжелее, и дышать приходилось с большим трудом. Автобус дрожал и вибрировал. Ребенок в моем животе поднялся к самому верху, и я уже не могла сидеть, дышать, двигаться. Мне не хватало воздуха, места, и... терпения. Не переставая наглаживать живот, я смотрела по сторонам и ждала, когда же, наконец, покажутся знакомые места. И вот! И вот! Ур-р-ра! Доехала! Остановка! Прощай, душный автобус! Здравствуй, холодная, но любимая улица!

Из транспорта я еле вышла и сразу ощутила скользкую поверхность дороги. Мои ноги разъезжались в разные стороны, как у коровы из советских мультфильмов.

тфильмов. Ребенок продолжал бушевать в животе, и я, успокаивая сама себя, ползла по темным улицам. Приехала-то на последнем, а фонари горят далеко не везде.

Вот и мамин дом оказался. Благоустроенный. Я здесь всю жизнь прожила — до девятнадцати! Потом замуж вышла — жили на съемных. А недавно бабушка умерла, продали ее квартиру в деревне, и мне купили в нашем городке. Только у бабушки была трехкомнатная, со всеми удобствами. А у меня — в деревянном доме, с соседями-алкоголиками-зэками, с двумя огромными печками-столбьянками и с окнами «сорок сантиметров до земли». В общем, вот такая у меня хибара. Общей площадью 31 квадратный метр! Завидовать, конечно, нечему! Но это лучше, чем платить какому-то дяденьке за аренду или и вовсе жить с родителями. Ах, да. Еще я забыла сказать, что я никогда не искала легких путей. А, если б и искала — не нашла! Вот как-то так.

Мамин дом я прошла — нечего мне там делать. Я уже давно отрезанный ломоть, хоть иногда и хожу к ним «на обед». Иду. Страшно. Темно. Мужик еще какой-то сзади тащится. Скользина-а-а! Как и дойти, не знаю.

Дошла. Захожу в дом. В подъезде все бревенчатые стены в инее. Блестят. Стены блестят, а света нет. Это дверей в подъезде нет — так за счет луны у нас освещение. Нашупала замок. Нашла ключ. Открыла. Запёрлась в квартиру, включила свет. Замерла. Стояла долго. Молчала. Выпучивала глаза. Открывала рот. Потом редела навзрыд. В воздухе стоял пар. Пар не от печей столбовых, а от речей горевых. Рот откроешь, а оттуда — дымок. Дома холодина, поморозня! На стенах иней. На полу бутылки. На кровати — окурки. Все в каких-то крошках, склянках, консервных банках...

Такое ощущение, что Мамай тут не только прошелся, но и ночевал пару тройку раз. Я на сессии — у Вадима разгул! Хорошо же ты жену ждешь! Каких, наверно, алкашей тут только не было — представляю! Колоритные персонажи!

Ком подкатился к горлу, и от обиды мне хотелось кричать. Не зная, что делать, я схватила сумку и понеслась к маме. Только она мне поможет и не откажет. Ведь не буду ж я ночевать на восьмом месяце беременности в холодной избе, на ледяной постели. Дорога к отчому дому показалась наикратчайшей. Переполненная эмоциями я вмиг домчалась до мамы. Но как войти? Как постучать? Снова выслушивать ее язвительные речи?.. Ну что ж. Придется.

Дверь открыла сестра. «Танька, — сказала я тихим, подавленным голосом, — я заночую у вас.»

— А что? Опять твой муженек где-то шляется? Сколько раз говорили тебе.

— Хватит. Я устала, а эти темы мы обсуждали уже тысячу раз! Как будто уже и говорить не о чем! — бормотала я, сидя у двери на мягоньком пуфике. Вышла мама.

— Машенька. Почему ты не дома? Вадик где?

Слёзы непроизвольно хлынули из моих глаз. Поверженная я встала с пуфа, снова натянула сапоги, хлопнула дверью и убежала из дома. На улице шел снег. Хлопьями. Я ловила его ладонями и размазывала по лицу. «Господи, ну почему я? Почему столько несправедливости? Почему я должна краснеть за своего мужа и тянуть лямку в гордом одиночестве?» — эти вопросы мучили меня всю дорогу. Я шла по мрачной улице, но мне не было страшно. Горечь обиды затмила все.

Незаметно для себя я добрела до дома. Иней по-прежнему блестел при свете луны на стенах обще-

го коридора. Захлебываясь от слез, я пыталась найти ключ, который зачем-то еще тогда сунула под коврик. Ключа не было. Замок висел. Хм. Может, он всё-таки приехал... Включаю телефон. Звоню. Абонент не доступен. Начинаю нервничать еще больше. Ребенок пинается в животе с такой силой, что я с легкостью могу определить рукой или ногой он это сделал. Оборачиваюсь — в дверном проеме еле видна улица — крошечная тьма. Выткни глаз, называется. Домой не попасть, к маме — стыдно. Что делать — ума не приложу. Поплелась обратно.

У мамы всё так же горел свет — во всех окнах, как на корабле. Эх, была — не была. «Ма-ма-а», — не выдержала я и рухнула к ней в объятия. «Не переживай, Машенька, — вытирала мне слезы мать. — Перемелется — мука будет. Успокойся. Уж я-то всегда буду с тобой. Пойдем, я тебя накормлю да спать уложу».

Я за стол села, а кусок в горло не лезет — не спокойно что-то на душе. Думаю всё — приехал, не приехал?.. Вот уже и постель мне разложили, надо раздеваться, да укладываться. А я все думаю, думаю.

Мама не выдержала: «Иди еще раз туда сходи. Танька с тобой пойдет. Не могу смотреть на тебя! Это ж надо за такого козла так переживать! Он вон о тебе не сильно-то беспокоится!»

По густой темноте мы с сестрой добрались до дома. Свет горел в моих окнах, и на дверях уже не было замка. Интересно. Приоткрыв дверь, я увидела сидящего на корточках мужа, который жадно курил сигарету. Тут я уже не могла сдержаться:

— Где ты был?

— Здесь.

— Как здесь? Я приходила! Тебя не было! Зачем ты врешь?